

Концерт для Гретхен

Зоя Мастер

Зоя МАСТЕР

Концерт для
Гретхен

БОСТОН • 2021 • BOSTON

Зоя МАСТЕР. *Концерт для Гретхен (рассказы и повести)*

ZOYA MASTER. *Concert for Gretchen (short stories)*

Copyright © 2021 by Zoya Master

All rights reserved. No part of this book may be reproduced or utilized in any form or by any means, electronic or mechanical, including photocopying, recording, or by any information storage and retrieval system, without the written permission of the copyright holder.

ISBN 978-1950319442 (pbk)

ISBN 978-1950319459 (hardcover)

Library of Congress Control Number: 2021935620

Published by M•GRAPHICS | BOSTON, MA

 mgraphics.books@gmail.com

 mgraphics-books.com

Book Design by M•GRAPHICS © 2021

Cover Design by Eugene Master © 2021

При подготовке издания использован модуль расстановки переносов русского языка **batov's hyphenator™** (www.batov.ru)

Отпечатано в США

Рассказы Зои Мастер — о разном: о детстве и старости, о расцвете и угасании, о любви, об ожиданиях и разочарованиях, но в каждом присутствует тонкая, размытая, дрожащая черта: та сумеречная жемчужная область, где смешиваются реальность и сон, далекое прошлое и вот эта, сегодняшняя минута.

Персонажи ее рассказов — люди здоровые, трезвые, разумные, они понимают, что чудес не бывает и не хотят попасться на удочку шарлатанам; на всё должно быть простое объяснение, верно?

Но, хотят они этого или не хотят, тонкий холодок чуда, чего-то нездешнего веет над их жизнью, залетает с синего моря, из окна, открытого в осенний парк, просачивается сквозь дверь. А еще чудо прилетает с музыкой, и музыка звучит во всех рассказах: то открыто, то чуть слышно, издалека.

Есть язык слов, и есть язык музыки, к словам несводимый. Зое Мастер знакомы оба, и она по своей прихоти, или же подчиняясь некоему императиву, то свивает их вместе, то дает солировать одному, чистому и немного печальному голосу флейты.

И в этом голосе есть некая недоговоренность, заставляющая нас листать и листать эти прекрасные страницы: договори же, договори...

Татьяна Толстая

КОНЦЕРТ ДЛЯ ГРЕТХЕН

(РАССКАЗЫ И ПОВЕСТИ)

Сыграть Джульетту	11
Пришелец.	22
День зимнего ангела	34
Третий глаз.	45
Зазеркалье	60
Манная каша.	71
Пиковая дама	77
Городские.	89
Четыре времени года	105
Бемоль	116
Графская походка	125
Кофе по-мароккански	133
Рита	138
Все почти довольны.	155
Лекарство от мигрени	175
Ночь — светла	191
Точка пересечения	204
Картина	209
Ночное дежурство.	221
Учитель музыки	227
У самого синего моря.	253
Целитель	294
Концерт для Гретхен	317
Муза	340
Ирина Чайковская. <i>О Зое Мастер</i>	374

ПРИШЕЛЕЦ

1

«Стефансплац была похожа на муравейник: люди двигались беспорядочно и бессмысленно, ныряя в прилегающие улицы и переулки, бодро забегая и лениво выползая из кафе, ресторанов и магазинов. Но на самом деле, как и муравьиное мудрое племя, человеческая толпа чётко функционировала в пространстве площади под нависшей над ней громадой собора», — торопливо записал я в блокнот и тут же отвесил себе мысленную оплеуху: толпа-муравейник — неудачная, избитая метафора, да и сам пассаж — пафосное нагромождение слов.

Привычка редактировать собственные мысли появилась у меня ещё в школьные годы, а может, раньше. Просто я не придавал ей значения до встречи с Келли, которую эта манера, как, впрочем, и многое другое во мне, — раздражала. Скорее всего, после моего возвращения из Вены мы расстанемся. Но думать об этом сейчас было бы глупо, потому что бесполезные размышления отнимают время от главного, а главное — это наконец-то закончить работу над пьесой. Цель, ради которой я неожиданно для себя самого приехал в этот своеобразный, намеренно застрявший в прошлом город. Драма о последних годах жизни Моцарта, его отношениях с Констанцей и многочисленными ученицами, — в частности, с Марией Магдаленой Хофдемель, муж которой был найден мёртвым на следующий день после похорон композитора, не отпускает меня уже второй год. Келли говорит, что я психически неадекватен. Пусть так, но мне проще согласиться с её точкой зрения, чем отвлекаться на поиски аргументов. Каждое начатое действие обязано завершиться изначально намеченным результатом: в данном случае, премьерой спектакля.

Собственно, рукопись этой детективной пьесы (то ли комедийной драмы, то ли драматической комедии) была завершена ещё в Нью-Йорке, но я продолжал копаться в тексте: менял

реплики, переставлял слова в диалогах, добавлял и снова убирал целые страницы. Как говорила Келли, издевался над здравым смыслом, а заодно и над ней. «За то время, что ты создаёшь свой шедевр, Моцарт мог написать пять симфоний, минимум две оперы, да ещё успел бы сделать ребёнка», — со свойственной ей иронией пошутила моя почти невеста. Мне нечего было ей возразить, и я промолчал, но обиду затаил: ещё бы, ведь до знакомства со мной Келли даже не подозревала о том, что Амадеус — вовсе не название компании по бронированию гостиниц. Обратить подаренные пигмалионом знания против него же я посчитал предательством: утром, после того как Келли ушла на работу создавать новые компьютерные программы, я поехал в аэропорт и ближайшим рейсом улетел в Вену.

Впрочем, город, которым я не успел очароваться, быстро меня разочаровал. Каждый вечер я приходил в кафе-бар Aragall, садился за крайний, у зелёной шторы столик, и, глядя на главный вход в Стефансдом, пытался абстрагироваться от мельтешащего за окном людского потока. Но каждый раз попытка переместиться в другое время, при этом оставаясь в том же пространстве, оказывалась напрасной. Видимо, мне не хватало воображения. Я злился на изображавших Моцарта концертных зазывал, — этих долговязых навязчивых юношей в бутафорских камзолах и париках, слоняющихся по площади в любое время суток. За неделю я знал их всех в лицо, в то время как для них толпа оставалась безликой. Каждый раз они совали мне в руки проспекты одних и тех же концертов, рассчитанных на неприятельных туристов. Прошлым вечером парень плотного сложения в белых чулках и тесных в ляжках атласных панталонах, допекал неузнанную им оперную примадонну. Не прекращая разговаривать по телефону, она отмахнулась от него, как от липнувшей к лицу паутины, и пошла дальше к театру.

Своей конфигурацией Вена как раз и напоминала мне паутину, но не свинцовую и безжизненно-клейкую, а напротив, — лучистую и обманчиво-безобидную, привлекающую пошлыми позолоченными купидонами с арфами в пухлых ручках. Центром этой цепкой сквозной паутины улиц был Собор — серо-коричневый монстр, вампир-крестовик, притягивающий

и ошеломляющий нетленным грандиозным величием. Тем более нелепой на его фоне казалась суета ряженных зазывал и фотografiровавшихся с ними туристов.

2

— ВАМ КАК ВЧЕРА, СЭНДВИЧ С ГРУДИНКОЙ И ЯИЧНИЦЕЙ? — спросил официант.

— Пожалуй, — ответил я, слегка удивившись памяти это пожилого человека.

— Чай, кофе?

Я поелозил пальцем по меню.

— А что это за кофе Мария-Терезия? Наверняка что-то навороченное.

— Это чёрный кофе с ликёром Куантро. Подаётся со взбитыми сливками и цветным сахаром.

— Почему бы нет? Пусть будет Мария-Терезия.

Официант кивнул и заскользил вдоль столиков утомлённой лисьей походкой к бару, оттуда — на кухню. Его звали Эрхард. Мы познакомились прошлым вечером после закрытия бара, когда, выйдя из кафе, я стоял посреди площади и, задрав голову, пытался определить линию, над которой грифельные шпильки собора смыкались с мглисто-бордовым небом.

— Невероятно, как такое возможно было построить, да? Живу здесь всю свою жизнь и не перестаю удивляться.

Рядом стоял мой официант. Теперь он казался ниже ростом — возможно, из-за выпиравшего брюшка, до этого прикрытого рабочим фартуком.

— Красиво, но мрачно, — ответил я, не задумавшись. — Я бы не хотел жить в доме с видом на это строение.

— И тем не менее, вы ежедневно приходите именно сюда, — усмехнулся официант. — Эрхард, — продолжил он и протянул руку.

У меня не было желания продолжить знакомство.

— Увидимся завтра, — сказал я, подарив ему ничего не значившую улыбку.

Шумная нарядная толпа дрейфовала по Кёртнерштрассе. На какое-то время я ощутил себя стёклышком, частичкой этого

разноязыкого многоцветного калейдоскопа. Возможно, когда-нибудь я вернусь сюда туристом и буду получать удовольствие от праздного шатания по городу и бесконечных селфи на фоне витрин и памятников. Но сейчас я спешил в гостиничный номер, чтобы в очередной раз попытаться переписать финальную сцену. Её действие разворачивается у северной башни собора, где и сегодня, как сотни лет назад, стоят запряжённые лошадьми фиакры. Кстати, ничего романтического в этих флегматичных ухоженных лошадях я не заметил: из-за них весь центр города провонял навозом. Ещё хорошо, что лепёшки падают не на мостовые, а в специально подвешенные под лошадиными хвостами мешки. Тем не менее, этот специфический резкий запах забивал все остальные. Именно потому я предпочитал обедать и ужинать не на веранде, а внутри кафе. Келли, безусловно, сидела бы снаружи: её аппетит никогда ни от чего не страдал. Она могла созерцать городскую суету и тут же, каким-то непостижимым образом, не отвлекаясь от непрямого зелёного салата с кедровыми орешками, заметить и прокомментировать чей-то нелепый наряд, комичную походку или чудаковатую внешность. У неё это получалось довольно забавно, и я всё намеревался спросить, не хочется ли ей попробовать себя в литераторстве, — к примеру, в фельетонах или рецензиях. Но не спросил: самолюбие не позволило. В конце концов, она могла бы более заинтересованно и серьёзно относиться к моему творчеству.

Непосредственно напротив маленького отеля, в котором я остановился, шла стройка — там ежедневно с восьми утра до шести вечера методично сносили многоэтажный жилой дом. Но поскольку я целыми днями бродил по городу, мне было наплевать на шум и пыль, тем более что цены здесь оказались гораздо ниже, чем в центре, до которого ходьбы всего семнадцать минут. Однако не цена оказалась главным достоинством совершенно случайного, по совету местного таксиста обрётённого пристанища. Гораздо важнее было то, что моё появление в этом неприметном, прилепленном к соседним зданиям строении, заставило поверить в заданность человеческой судьбы, которую всю свою жизнь я воспринимал как банальное стечение

обстоятельств, в лучшем случае, — необъяснимое совпадение. Я в принципе не склонен к мистике, потому никогда не впадаю в состояние сентиментального умиления или безумного восторга; само слово безумный — по отношению к чувству, эмоции кажется мне верхом пошлости. Состояние шока я испытал всего лишь дважды: первый раз в юности, когда, слушая «Реквием» Моцарта, отчётливо понял, что такую музыку человек мог написать, оплакивая неизбежность именно своего ухода.

Второе потрясение случилось неделю назад, когда, расплатившись с таксистом, я подошёл к гостиничной двери и скользнул взглядом по прикреплённой к стене мраморной табличке, сообщавшей о том, что в 1773 году во время своего визита в Вену здесь останавливался Моцарт. Позже выяснилось, что он останавливался здесь дважды, но тогда эта гостиница, а точнее, меблированные комнаты, назывались «Белый бык» и принадлежали некоему Готлибу Фишеру, ювелиру. Естественно, внутренний и внешний облик гостиницы давно не соответствовал временам правления Габсбургов: верхние этажи вообще были достроены сравнительно недавно. Соответственно, я поселился на втором, вообразив себя в одном пространстве с тенью гения, и с тех пор каждую ночь с наивностью ребёнка ждал если не чуда, то какого-то знака, откровения, благодаря которому всё встало бы на свои места.

Но ничего не происходило. Как только, открыв ноутбук, я начинал перечитывать текст, во рту возникал кислый привкус, уже не покидавший меня до последней страницы: персонажи, которым я дарил новую жизнь, получались картонными, их монологи — надуманными и скучными.

Даже самому себе я не решался сказать правду: это было бы равносильно признанию в собственном идиотизме или бездарности. Первое — всё же более безболезненно для самолюбия человека, считающего себя творческой личностью, и я сказал себе, тут же записав: «Ты — безнадёжный кретин, если надеешься, что подсказка призрака заменит талант. Дух Моцарта не живёт ни в этой осовремененной гостинице, ни в его гулкой от редких шагов посетителей и пустоты стен квартире-музее, притаившейся в двух кварталах от Собора. Он — в музыке. Только гений имеет право писать о гении, а ты — ремесленник».

Я должен был это понять ещё тогда, слушая его Реквием.

И вот сегодня утром, впервые за последнюю неделю, я почувствовал себя отдохнувшим. Я больше не испытывал вины перед Келли, вселенной и самим собой, я был свободен от навязанных себе обязательств, от многолетней повинности что-то кому-то доказывать, а также от поисков истины, которая вполне могла оказаться мифом. Пора было возвращаться домой. Я заказал обратный билет и поехал в Пратер, где провёл полдня, потом слонялся по центру Вены, удивляясь тому, как может измениться восприятие города менее чем за сутки. Меня больше не раздражала праздная толпа: я благодушно обходил застрявшие посреди улицы стайки туристов, позволял себя бездумно расслабляться в уличных кафе, запивая ледяной водой шоколадное gelato с жареным миндалём; на этот раз запах лошадиного дерьма мне не досаждал, и позолоченные херувимы на витых балконах кремовых домов больше не кололи глаза своей благостной безмятежностью. Я даже зашёл в сувенирный магазин, чтобы купить подарок Келли, но бродить меж нескончаемых рядов маек, сумочек, шоколадных наборов, чашек и футляров для очков с изображением Моцарта оказалось выше моих сил.

3

Когда тень от собора полностью накрывает площадь, в город приходит вечер. Отсюда он сонно расплзается по улицам и переулкам, затем спускается на широкогрудую ленту Дуная и там замирает в ожидании ночи.

Может, мне стоит приберечь на потом эту эффектную словесную конструкцию.

А пока я стою на смотровой площадке Южной башни и фиксирую в памяти вид на город и гору Каленберг, которая отсюда кажется всего лишь холмом. Люди внизу — разноцветные пятнышки, ходячие мыльные пузырьки, не способные преодолеть закон притяжения и оттого прикованные к этой вековой брусчатке. Они малы и ничтожны, как и выдуманные мной проблемы и обиды. С птичьей высоты так легко представить

летающие вниз потоги творчества, смехотворные амбиции, напрасные ожидания, бездарную пьесу.

Я спускаюсь по узенькой лестнице: впереди идёт хрупкая молоденькая девушка с телефоном в руке, и на каждой из трёхсот сорока трёх ступенек её затянутые в высокий хвост волосы прыгают у меня перед носом. Я перехожу площадь и сажусь на привычное место у окна.

— Как обычно? — спрашивает Эрхард.

Сегодня он выглядит измученным: мешки под глазами, покрасневшие веки. Говорит слегка задыхаясь, да и походка напоминает не вчерашнего усталого, а уже подстреленного лиса.

— Сегодня только кофе, но не тот, что вчера.

— Мария-Терезия не в вашем вкусе?

Эрхард вполне сносно говорит по-английски, но от его картавого, резкого «р» у меня так бряцает в ушах, что каждый раз хочется потрясти головой.

— Завтра возвращаюсь домой, хорошо бы напоследок попробовать чего-то уж вовсе необычного.

— Тогда рекомендую двойной мокко с горячим вишнёвым сиропом и коньяком. Это сочетание даёт весьма необычный эффект.

— Эффект чего?

— Зависит от желания клиента, от того, что он хочет видеть и чего не хочет.

— Ладно, пусть будет мокко... и струдель. И коньяка двойную порцию. Doppio, — зачем-то добавил я по-итальянски, — для двойного эффекта.

Я склонен к полноте и потому люблю сладкое. Келли говорит, что я путаю причину со следствием, а мне моя формула представляется нетривиальной и логичной. Эрхард — молодец, профи: кофе необычного каштанового цвета, с едва ощутимой кислинкой пьяной вишни и дразнящим ароматом хорошего коньяка — именно то, что будет вспоминаться по ассоциации с этим городом.

Я оставил чаевые, как всегда подложив купюры под чашку, и направился в гостиницу собирать вещи. Накрапывал почти незримый, щекочущий кожу летний дождик. Слева вдоль соборной стены стояли припаркованные фиакры: покрытые синими

попонами лошади переминались с ноги на ногу, время от времени мотая опущенными головами. Пока я переходил площадь, дождь заметно усилился и теперь шлёпал по брусчатке крупными холодными каплями. Толпа туристов быстро рассосалась по ближайшим кафе и магазинчикам, а с ней, поняв бесполезность своей деятельности, начали расходиться концертные зазывалы. Часть из них спряталась в соборе, другие, неуклюже хлюпая неудобными остроносыми туфлями, в раскорячку бежали к метро. Лишь двое особо прилежных остались на рабочем месте: одного я помнил по рыжей пряди волос, постоянно вылезавшей из-под парика, другого ни разу здесь не замечал. Первый — рослый, плечистый, как большинство этих ребят, топтался на месте, забавно смахивая свободной от проспектов рукой капли дождя с синтетического парика. У второго, — маленького, неказистого, — в руках был только плащ. Он накинул его поверх красного, расшитого золотом камзола, окинул взглядом площадь и, не спеша, завернул за угол. Он шёл чуть пританцовывая, нисколько не заботясь о том, чтобы не забрызгать белоснежные чулки. Сзади этот маленький человечек был похож на большеголового ребёнка, нарядившегося во взрослую одежду. Перейдя Домгассе, он плотнее запахнул плащ и ускорил шаг. Улица была пуста, мы слышали шаги друг друга, но стук приближающегося фиакра я почему-то не услышал: скорее всего, оттого, что был встревожен странной внешностью этого человека; мне не хотелось потерять его из виду. Из-за угла вылетели лошади, но вместо того, чтобы остановиться на обочине, я ступил на дорогу, нисколько не сомневаясь в умении и даже обязанности лошадей уступать дорогу одиноким пешеходам. Копыта лошади, колёса фиакра пронеслись в такой близости от моих ног, что я инстинктивно поджал пальцы. Извозчик оглянулся, кривя в ругани рот. Когда фиакр скрылся за угловым домом, я очнулся от потрясения и расхохотался, представив, что бы сказала Келли, прочитав в газете о нелепой гибели американского туриста под копытами лошади в центре Вены.

Темнело. Я почти поравнялся с незнакомцем, когда он остановился у входа в блинную на Грюнангергассе 10. Я уже приходил сюда два дня назад, чтобы увидеть дом, в котором жила чета Хофдемель. Даже сейчас, поздним вечером, кафе было

переполнено, но готов поспорить на что угодно — ни один из посетителей понятия не имел о том, что произошло в этом доме на следующий день после похорон Моцарта. Я ощутил чувство превосходства над этими пьющими-жующими людьми, способными лишь на сиюминутное восприятие жизни. Моё воображение играючи рисовало мрачную картину истекающей кровью Магдалены Хофдемель — ученицы и, как предполагали современники, любовницы Моцарта. Возможно, она лежала вон там, у дальней стены, где сейчас за столиком ужинала молодая пара. А кровать её ревнивого мужа, на которой он умирал, перерезав себе горло бритвой после неудачной попытки зарезать неверную супругу, стояла на месте барной стойки. Вполне вероятно, эту самую входную дверь, не единожды отреставрированную, взломали прибежавшие на крики Магдалены и плач её годовалого ребёнка соседи. Беременная фрау Хофдемель выжила и родила второго ребёнка, отцом которого, возможно, был её учитель. Но судьба этой женщины уже оставалось за рамками моего замысла...

Я вдруг совершенно чётко представил декорации своей неудавшейся пьесы: сцена должна быть разделена на две половины. Конечно! Это позволило бы построить интригу в двух временных пространствах, где два человека у окна: один — в красном камзоле с диковинными перламутровыми пуговицами на манжетах и туфлях на каблуках с позолоченным пряжками, другой — в джинсах и майке, смотрят в те же окна, но видят и повествуют о разном.

Шумная компания молодых ребят вывалилась из открывшейся двери: нестройный гул оживил улицу.

— Мы скоро закрываемся, — предупредил меня вышедший следом официант.

Незнакомца он явно не заметил.

Словно вспомнив о цели своего путешествия, маленький человек поспешил к перекрёстку. Я не сомневался: он шёл домой на Домгассе 5, но почему-то свернул на Шулерштрабе, затем остановился у зелёной двустворчатой деревянной двери, скорее похожей на ворота с арочным верхом, — и неожиданно повернулся ко мне.

Он был очень мал ростом, тщедушен и некрасив: бледное лицо, виднеющиеся из-под припудренных буклей уши с отсутствующими мочками, большой нос, никак не соответствующий мелкому подбородку и высокому, открытому лбу. При неярком свете фонарей было сложно разглядеть цвет глаз этого человека, чем-то напоминавшего инопланетянина.

Он смотрел на меня снизу вверх, и я знал, что никогда не забуду этот насмешливый и одновременно пронизательно-простодушный взгляд. Я также не сомневался в том, что всю жизнь буду жалеть о незадаанных вопросах, о шансе, который так бездарно упустил.

Я не знал, как себя вести и что сказать. Пока я соображал, что-то неуловимо изменилось: свет фонарей стал ярче, на улице появились прохожие, рядом брякнуло металлическое кольцо захлопнувшейся деревянной двери. Я поднял голову: в окнах второго этажа мелькнул отблеск свечи. Ну да, как я мог забыть — именно сюда выходят окна квартиры-музея, да и вход был раньше не с Домгассе, а отсюда, с Шулерштрабе 8.

— Вот, вы потеряли, — со мной поравнялась та самая девушка, чьи затянутые в пышный хвост волосы прыгали перед моим носом пару часов назад: сейчас они были распущены по плечам. Однако я без труда узнал её по нервно-вздрагивающему на высоких нотках голосу, — она всё так же висела на телефоне, продолжая с кем-то выяснять отношения. Видя мой недоумевающий взгляд, девушка легко наклонилась, подняла что-то с мокрого тротуара и протянула это что-то на раскрытой ладони. — Берите, что же вы? Какая оригинальная штучка, я таких не видела.

Потом её кто-то позвал, она поспешила на голос, и задники её ярко-оранжевых кроссовок, похожие на сплюсненные половинки апельсинов, ещё долго просматривались на фоне мокрой ночной мостовой.

4

Нью-Йорк плавился от жары, но, как всегда, даже в самый душный и жаркий день, меж небоскрёбов Манхэттена гулял

влажный сквозняк, создававший обманчивое впечатление спасительной прохлады. Возможно, именно эта нескончаемая липкая духота была отчасти виновата в моей постоянной усталой раздражённости. Я вовремя поймал себя на этой мысли: не стоило являться в нашу квартиру раздосадованным взвинченным неудачником.

Я открыл дверь своим ключом. Келли лежала на диване, обложившись подушками, и смотрела «Амадеус».

— Привет. Как там на улице, чуть прохладнее? — спросила она так, словно я на пару минут выходил покурить на балкон, а сейчас вернулся досмотреть любимый фильм.

Я не ответил, демонстративно кинув на пол сумку.

— Вот объясни, — продолжила она, лениво повернув голову в мою сторону, — Моцарт действительно был таким... городским сумасшедшим, или, как сказать помягче, эксцентричным? Эти клоунские выходки, экзальтация — правда или режиссёрская фантазия?

— Правда.

— Ты хочешь сказать, этот гений всех времён и народов дурачился и паясничал, как невоспитанный ребёнок?

— И мяукал, и прыгал по стульям — если верить современникам. И что? — ответил я, несколько удивлённый темой разговора.

— Ну, тогда понятно, почему он всех раздражал.

Мне начала надоедать эта дилетантская беседа. К тому же я был голоден.

— Ты рассуждаешь о Моцарте, как обыватель. Ты не понимаешь...

— Да это ты не понимаешь, — перебила меня Келли. Как всегда, когда она злилась, кожа на её шее и груди розовела, — он вообще пришелец. Погостил сколько? Сорок лет?

— Тридцать шесть. Почти.

— Тем более. Погостил и ушёл, и ничего после себя не оставил. Ни могилы, ни даже посмертной маски. Ты сам рассказывал.

— Маска была, но Констанца её выбросила. Твоя версия не годится.

— Можешь спорить сколько хочешь, но я уверена: если выбросила, значит, так было надо. Так задумано. Всё сходится.

И никакой тайны творчества нет, и тайны смерти — тоже. Так что можешь успокоиться и вернуться к нормальной жизни.

Наконец-то я понял, зачем Келли затронула эту тему: нормальная жизнь предполагает нормальную работу, семью, детей. Кстати, мне моя профессия нравилась, хоть время от времени докучала своим однообразием, которое принято называть стабильностью. Но как обычно, Келли поменяла тему раньше, чем я успел возразить или согласиться с её доводами и озвучить свои аргументы.

— А что ты мне привёз? — спросила она, нарочито по кукольным хлопая ресницами.

Я достал из кармана джинсов пуговицу, эту «оригинальную штучку», которую сутки назад у моих ног подобрала девушка в оранжевых кроссовках, и положил её на ладонь своей почти невесты — прохладный на ощупь кружок перламутра чуть неправильной формы с жёлтым камнем в центре и белыми камешками по бокам.

— Забавная вещичка, красивая, — свободной рукой Келли отвела прядь влажных от пота волос за ухо, — из неё можно сделать подвеску. Я видела похожую в каком-то каталоге. Спасибо.

Конечно, я уловил некую разочарованность в её голосе, но сделал вид, что не заметил.

В моей комнате ничего не изменилось, всё оставалось на своих местах, и даже выскользнувший из принтера листок так и лежал под столом. Я поднял его, пробежал глазами оборванный монолог Марии Магдалены Хофдемель, включил компьютер и напечатал:

Пришелец
Пьеса в двух действиях,

затем достал из шкафа свежее полотенце и пошёл в душ.

ДЕНЬ ЗИМНЕГО АНГЕЛА

Как все неудачные дни, этот зимний понедельник тянулся бесконечно. С утра Маша заехала за клиентами — они подыскивали двухкомнатную квартиру. Дама церемонно представилась, — Лидия Васильевна, — и села впереди. Муж приветливо улыбнулся и с этого момента не умолкал всю дорогу, несмотря на донимавшую его одышку и непрерывное одёргивание жены: «Митя! Я тебя прошу!» Сама она хранила молчание, с любопытством разглядывая мелькающий за окном довольно однообразный городской ландшафт. Они подъехали к окружённой сквером высотке, два здания которой были соединены стеклянной галереей.

— Этот комплекс очень популярен, поэтому здесь редко что-то выходит на продажу, — сообщила Маша, — но буквально пару дней назад выставили сразу четыре квартиры. Одна уже под контрактом.

— Ну-ну, — многозначительно произнесла Лидия Васильевна.

— И я говорю, интересно. Да, Лидочка? — радостно заметил Митя, задыхаясь от собственной скороговорки.

«Везёт же некоторым иметь таких позитивных, восторженных мужей, — подумала Маша. — Только такие браки и обречены на долголетие».

Супруги неспешно осматривали гостиные, спальни, кухни; в квартирах, откуда владельцы уже съехали, не задерживались, зато там, где ещё стояла мебель, разглядывали каждую мелочь. Добродушный Митя тщательно вглядывался в развешенные по стенам фотографии, комментировал чужие лица, пытался угадать возраст, профессии незнакомых ему людей. Лидию Васильевну больше интересовал дизайн жилья, его функциональные качества и вид за окном.

— Знаете, Мария, — сказала она, выйдя на огромную застеклённую лоджию, — я бы этого с позволения сказать, архитектора, засудила: как можно было спроектировать жилой дом

в таком месте?! Посмотрите на эти уродливые сооружения напротив. Ну что это такое? Что за вид?

— Это госпиталь. Рядом супермаркет, кафе, банк, русский магазин. Отсюда десять минут прогулочным шагом.

— И что, от этой близости вид становится привлекательнее? Единственное, что может украсить эти безвкусные строения — снег. Кстати, к вечеру обещали метель. Ну ладно, идёмте дальше. Посмотрим, что ещё вы нам приготовили.

— Лидия Васильевна, у нас ещё три квартиры, но уже в другом районе. Вы намекните, какая из тех, что мы сейчас посмотрели, хоть как-то отвечает вашему вкусу? — медовым голосом спросила Маша. — Мне проще будет понять, что именно вы ищете.

— Вопрос справедливый. Вам так скажу: пока из трёх квартир мне, несмотря на удручающий пейзаж за окном, больше всего импонирует эта. Но! Нас совершенно не устраивает размер встроенного шкафа. Посмотрите сами, сюда не влезут чемоданы.

— Какие чемоданы?

— Импортные. Привезённые из Союза, — дама посмотрела на Машу с неприязненной жалостью. — Вы знаете, по какому благу мы их достали и сколько заплатили? Так что, теперь прикажете отправить их на помойку, подарить или запихать в эту несуразную кладовку?

— Лидонька, это когда-а было, — пробасил Митя, игриво подмигнув Маше поверх головы своей супруги.

— Ну что ж, поедемте, — Лидия Васильевна нехотя направилась к выходу. На её миловидном интеллигентном лице легко читалось разочарование по поводу неудавшейся дискуссии.

Интуиция подсказывала Маше, что эти клиенты пока не готовы к покупке: они явно не решили для себя, что именно им нужно и нужно ли вообще. Тем не менее, она не отказалась от запланированных просмотров и к трём часам дня честно отработала смену экскурсоводом и агентом по продаже недвижимости.

Погода портилась. Резко похолодало, с белоголовых гор наплывали облака цвета асфальта.

Лидия Васильевна увлечённо рассказывала о своей молодости, о том, как сорок пять лет назад Митя позвал её замуж,

о дочери — директоре крупного финансового объединения, которую безгранично уважают коллеги. Маша согласно кивала, изредка разбавляя монолог междометиями, и мечтала о чашке горячего кофе с булочкой.

— Как вы смотрите на то, чтобы посидеть в кафе? Тут недалеко. Перекусим, согреемся, а заодно обсудим сегодняшние варианты. Потом отвезу вас домой. Вечером я посмотрю, что ещё вышло на продажу и позвоню. Договоримся на завтра. Вы с утра свободны?

— М-м-м, знаете, Машенька, завтра не получится, — несколько смущённо сказала Лидия Васильевна, рассеянно поглядывая в окно. — О, кстати, симпатичный двухэтажный теремок, крыша такая зелёная с резными карнизами, балкончиком, и видите, он продаётся. Интересно взглянуть, какой там дворик.

За спиной раздалось покашливание.

— Всё в порядке? — спросила Маша, глянув на Митю в водительское зеркало.

— Не беспокойтесь, — мгновенно отреагировала супруга, — с ним всё в ажуре. С вами, Машенька, было интересно, и мы бы с удовольствием продолжили наше знакомство, но, к сожалению, завтра уезжаем. Точнее, улетаем.

Она помедлила и, встретив недоуменный взгляд Маши, продолжила: «Мы здесь в гостях, приехали на свадьбу племянницы, а сегодня рабочий день, понимаете? Дома никого, а нам-то скучно, не стану же я борщи на чужой кухне варить. Вот решили ваш город рассмотреть подробнее, изнутри, так сказать».

Маша молчала.

— Мы вам благодарны, — виновато прогундосил Митя, — вы замечательный риелтор.

Реакции не было, и это насторожило Лидию Васильевну; она заёрзала, слегка отодвинулась к окну. Маша сбросила скорость, потом остановила машину на парковке у какой-то невзрачной химчистки.

— Если вам, Маша, что-то здесь нужно, мы, конечно, подождём, несмотря на то что вы делаете свои дела в рабочее время, — предупредила дама, но, пожалуйста, не задерживайтесь. В такой холод машина остывает быстро, недолго и простудиться, в нашем-то возрасте.

Для убедительности она шмыгнула тщательно припудренным курносым носиком и дружелюбно улыбнулась; эту милую улыбку ничуть не портила напоминавшая петушиный гребешок, бородавка под нижней губой.

— Мне здесь ничего не надо, — пресным голосом сообщила Маша, — но дальше вы поедете сами: за углом остановка автобуса. Если предпочитаете такси, напротив — гостиница. Попросите, вам вызовут.

— Вы с ума сошли! — вспыхнула Лидия Васильевна: её васильковые иконописные глаза потемнели от возмущения. — Да я на вас такую рекламацию напишу, что навсегда останетесь безработной. И ещё за вашу безответственность и наплевательское отношение к людям под суд пойдёте.

Маше не хотелось спорить и что-то доказывать; зная себя, она понимала, что непременно расплатится, что её дрожащий голос выдаст обиду, которую эти люди воспримут как слабость. Чтобы справиться с подступившими слезами и дрожью оскорбления, она глубоко вздохнула, как бы давая понять, насколько огорчена сложившейся ситуацией и непонятливостью клиентов, затем выключила зажигание и сказала:

— Мы с вами никаких бумаг о сотрудничестве не подписывали, хотя надо было это сделать ещё до того, как вы сели в мою машину. Но вы бы ничего не подписали, верно?

— В вашу машину! Да если бы вы были успешным риелтором, ездили бы на Мерседесе, а не зачуханной Тойоте, — возмутился Митя.

— Тем более, — устало согласилась Маша. — В такси вам будет более комфортно, хоть и не бесплатно. Всего хорошего.

Одна за другой демонстративно громко хлопнули дверцы машины. Положив дрожащие пальцы на руль, Маша провожала взглядом недавних попутчиков: Митя обречённо плёлся позади супруги. Вот он открыл рот, что-то крикнул, махнул рукой, пытаясь обратить на себя внимание, но Лидия Васильевна уже повернула за угол, к автобусной остановке.

Ну, слава богу, — на сегодня всё. Надо просто вычеркнуть этот отрезок из жизни и запить его крепким кофе.

По радио передавали прогноз погоды. Маша усилила громкость и чуть не пропустила звонок подруги. Синтия, недавно

открывшая кофейню, приглашала заехать попробовать новую выпечку.

— Ты далеко? Минут десять? Отлично. Жду. Не пожалеешь, — пропела она.

— Тут снег обещают, я хотела успеть домой, — засомневалась Маша, но на другом конце провода уже никого не было.

Полупустое кафе дышало теплом и уютом. Синтия сидела за угловым столиком, наблюдая за официанткой и парнем-баристой. Увидев подругу, она пошла ей навстречу.

— Боже мой! Мэри! Ты что такая пришибленная? И глаза... плакала, что ли?

— Нет, просто холодно и ветер. Но если честно, день не из удачных, — призналась Маша.

— Кристи, — Синтия позвала официантку, — принеси, пожалуйста, порцию творожных булочек и два эспрессо. Ну рассказывай, что случилось?

— Да ничего особенного, — Маша не собиралась вдаваться в подробности, но, размякнув от тепла и горячего кофе, в деталях рассказала о супружеской паре бытовых жуликов, испортивших ей настроение на весь день, а главное, о том, как и почему ей пришлось в голову высадить из машины пожилых людей.

— И в чём проблема? — не поняла Синтия. — Высадила и правильно сделала. Users! Я бы с них ещё взяла плату за проезд, за бензин. Ты же не такси, не общественный транспорт. Наглость это.

— Согласна, наглость и хамство, — кивнула Маша, — но они в чужом городе, пожилые люди. У этого Мити одышка..., вдруг по дороге что-то случится?

— Митя! (Синтия произносила Мити́я) Случится! Вот ты как одна моя знакомая учительница, всегда чувствуешь себя в чём-то виноватой. Я жалею только тех, кто заслуживает сочувствия. А представь, если бы они с тобой ещё неделю катались и голову морочили? Я не права?

— Права, но послевкусие осталось.

— Тебе не понравились булочки?

— Я не о булочках, — усмехнулась Маша, — просто не ожидала от себя такой реакции. Знаешь, в детстве, — мне было лет семь, — я видела ангела. Он пролетел за окном, а я прижалась

щекой к стеклу: хотела понять, куда он летит, но увидела только крылья — голубоватые прозрачные, в ярко-синем небе. Я очень хорошо помню, они двигались волнообразно, размеренно. Тем не менее, ангел почему-то удалялся так стремительно, словно от кого-то спасался. А может, спешил кому-то на помощь.

— Я тоже верю в ангелов, — понимающе кивнула Синтия. Ты же видела, у меня дома коллекция. Привожу из каждой поездки.

— Я всё ждала, когда же он прилетит на помощь мне, а не кому-то, и поняла, что никогда, и что скорее всего, тогда в детстве я видела не ангела, а птицу. Аиста, например. Хотя, откуда ему взяться в городе, да ещё зимой? Вкусные булочки, однако.

— Слушай, давай об ангелах — потом. Тут неподалёку домик продаётся — симпатичный такой, весёленький. Думаю, он подошёл бы под детский ресторанчик. Можешь показать?

— С зелёной крышей, резным карнизом и балкончиком?

— Точно.

— Лучше в другой раз. Смотри, уже снег пошёл, а мне домой на другой конец города.

— Так это же в десяти минутах. Десять — на дорогу, десять — там. Прошу тебя, позвони в офис, возьми код замка и поедем. Подумай, какой смысл тебе опять сюда мотаться? Кроме того, если домик мне понравится внутри так же, как снаружи, если там уютный дворик, контракт завтра же и напишем. Тебе что, комиссионные не нужны? Полчаса погоды не делает.

Полчаса неожиданно обернулись двумя. Уже темнело, а Маша с подругой всё ещё пытались загнать в дом собачек, вырвавшихся на волю в минуту, когда Синтия открыла дверь на веранду. Две весёлые дворняжки, опьяневшие от бодрящего зимнего воздуха, гонялись за пляшущими на ветру, скрученными в трубочки прошлогодними листьями. Две женщины бегали по двору, присвистывая, причмокивая, заманивая обещаниями, попеременно задабривая и угрожая на русском и английском. Дворняжки звонко лаяли, ловили колкие снежинки мокрыми высунутыми языками и не собирались менять свободу на домашнее тепло.

— Давай оставим этих сволочей здесь, — не выдержала Синтия. — Вернутся хозяева, загонят их обратно.

— Даже не думай. Ночью собака чихнёт, а утром в офис придёт жалоба и повестка в суд за жестокое отношение к животным. Потом никаких комиссионных не хватит на штраф и адвоката.

— Тогда посмотри, может в холодильнике найдётся кусок мяса или хотя бы сосиска. Приманим, потом положим на место? — предложила Синтия, шмыгая посиневшим носом. — А вообще-то мне пора закрывать кафе. Я поеду. Ты уж прости, что так вышло. Вредная у тебя работа.

Она ушла, но через минуту снова появилась на веранде с воплем:

— Так! Быстро в дом!! Считаю...!

Маша вздрогнула от неожиданности, на секунду решив, что команда обращена к ней, и машинально сделала шаг назад. Собаки тоже повиновались: одна, — пегая с чёрной чёлкой, опустив голову, потрусила в дом, другая, — рыжая с отвисшими ушами, побежала следом.

— Всё, не благодари меня, с замками, ключами ты уж тут сама как-нибудь. Завтра я тебе позвоню, обговорим условия. В принципе, мне понравилось всё, кроме загаженного собаками двора.

Виляя мохнатыми хвостами, дворняги проводили Машу до входной двери. Пальцы примерзали к циферблату кодового замка. Посветив фонариком, она набрала нужный код, защёлкнула коробочку с ключами и облегчённо вздохнула — теперь точно всё. Домой, спать.

Метель началась внезапно: плёточный порывистый ветер швырнул первые горсти снежной крупы в лобовое стекло. «Поеду по автостраде, — быстрее будет», — решила Маша, но, застряв в трафике на хорошие полчаса, свернула с шоссе на незнакомую улицу и почти наугад поехала по направлению к своему району. В темноте заснеженная дорога сливалась с обочиной. По обе стороны торчали хребты и крыши пустых домов, за ними — пустырь. «Новостройка, — поняла Маша, — потому ни одного фонаря. Надо вернуться на трассу». Машина заскользила вправо, дёрнулась и резко остановилась, застряв боковыми колёсами в рытвине. Вокруг стелилась беззвучная мгла. Свет фар ослепил выскочившего из ниоткуда зайца.

Испугавшись, он метнулся в сторону, и теперь на снегу сидела его насторожённая тень.

Маша вытащила из кошелька карточку автостраховки, набрала номер; ей ответили почти сразу, но разговор не получался:

— Где вы находитесь? — спросил простуженный женский голос.

— Я могу сказать, где именно съехала с автострады. Навигатор ничего не ловит, а указатели улиц замечены снегом, и вообще тут что-то строится и сложно понять, где улица, а где, собственно, дорога.

После многочисленных вопросов и уточнений, голос пообещал приехать в течение двух часов: плохие погодные условия и много аварий.

— Послушайте, — запаниковала Маша, — у меня четверть бака бензина. — Вы что, хотите найти мой замёрзший труп?

Голос оценил шутку:

— Не волнуйтесь, успеем. Старайтесь время от времени включать фары.

Прошёл час. Тень зайца сидела столбиком и шевелила ушами, похожими на длинные ангельские крылышки. «Чего он ждёт? — усмехнулась Маша. — Голодный, что ли? Так и быть, поделюсь человеческой едой». Она швырнула в окно половину булочки, заботливо завернутой Синтией на дорожку. Тень зайца подпрыгнула и скрылась за холмиком.

Ветер немного успокоился, и теперь снег падал крупными комками, похожими на ватные гирлянды. Время от времени Маша включала дальний свет; недостроенные пустоглазые дома оставались так же безжизненны, как и кочковатая заснеженная дорога.

В очередной раз захотелось плакать, но было лень тратить оставшуюся энергию на слёзы. По радио сообщили о закрытии аэропорта на ближайшие сутки. «Ну вот, придётся Лидии Васильевне с Митей задержаться здесь и поскучать в гостях ещё немного, — не без злорадства подумала Маша. — Хорошо, что собак удалось загнать в дом».

Новости сменились музыкой; своим расплывчатым ритмом, монотонно струящейся кольцеобразной мелодией она нагоняла

дрёму, и впервые за много лет Маша поймала себя на мысли о том, что ей не нужно куда-то спешить, что, пусть вынужденно, но появилось время просто расслабиться и побыть с собой наедине. Поток автомобилей цивилизация спешила по своим делам; открыв окно, можно было услышать доносившийся с автострады непрекращающийся шум её колёс. А здесь, за неуловимой гранью, отделяющей будничную суету от пространства одиночества и беспомощности, в крошечном клинышке лучей агонизирующих фар, ничего не происходило.

Поздний вечер уже ничем не отличался от глубокой ночи: остовы недостроенных жилищ, их ребристые стены и крыши, штабеля досок на бугристом склоне — всё оделось в белый саван и теперь выглядело гораздо наряднее, пригожее, чем полтора часа назад. Лидия Васильевна была права: снег облагораживает уродство. Маша снова набрала дорожную службу. Долбящие заверения автоответчика в том, что именно её звонок очень важен, чередовались с «Лунной сонатой». Задремав в ожидании человеческого голоса, Маша не сразу услышала сначала осторожный, а затем настойчивый стук. От неожиданности она выронила из рук телефон, потом опустила стекло, пробормотала замёрзшими губами: «Наконец-то, — и уже громче добавила, — спасибо, что приехали. А я тут вам звоню».

— Мне? — Удивился снежный человек, с трудом подбирая английские слова. — У меня нет телефона.

— Как же вы связываетесь с вашей службой? — в свою очередь удивилась Маша.

— Службой? Я возвращался с работы, — ответил мужчина. — Вижу, машина засыпана снегом, а одна фара горит.

— Но вы же не уедете, правда? — попробовала пококетничать Маша, однако неожиданная для неё самой щенячья интонация постыдно выдала отчаяние и накопившиеся за день обиды.

Решив, что через окно разговаривать со спасителем неприлично, она поспешно открыла дверь, ступила в снег и тут же провалилась по щиколотку. Позже, рассказывая Синтии о своих злоключениях, Маша с мазохистским сарказмом описывала, как в набитых липким снегом туфлях и кашемировом пальто, с зачем-то прихваченной с сиденья сумкой Fendi, она стояла посреди ведущей в никуда дороги, вцепившись в рукав

работяги-мексиканца — опасалась, что он может исчезнуть так же внезапно, как появился.

— Por supuesto, безусловно, я попробую, — ответил мужчина, явно ошеломлённый импульсивной реакцией незнакомки. — Сядьте в машину, por favor.

Минут десять он возился, прицепляя трос своего трака к Тойоте, а когда вытащил машину из рытвины, предложил сопроводить Машу и действительно ехал за ней до дома, ни разу не отстав и не потеряв из виду.

— Может, вы зайдёте, просто выпить горячего чая? — с притворной настойчивостью предложила она, когда машина уже стояла в гараже, а сама она, переминаясь с ноги на ногу, при этом ощущая, как в туфлях хлюпает вода, прощалась с незнакомцем.

— Мне домой надо, — жена ждёт, дети. У меня их пятеро.

В свете уличного фонаря Маша напоследок смогла разглядеть своего спасителя. Он был ниже её ростом, коренастый, большеголовый, с густыми бровями над тёмными глазами и мочалистыми, слипшимися от тающего снега усами.

— Как вас зовут?

Незнакомец стряхнул с куртки снежную пудру, ткнул пальцем в прицепленный к нагрудному карману бэдж. Чуть наклонившись, Маша прочитала: Angel и снизу мелкими буквами: City Construction Co.

— Анхель еп Еспаñол, — мексиканец пожал Маше руку и пошёл к траку.

Маша никак не могла согреться: вытянувшись в ванне, лежала, зарывшись по самый подбородок в лавандовую пену. Потом, завернувшись в халат и плед, долго пила обжигающий чай с крепким вишнёвым ликёром.

Зазвонил телефон.

— Мария? Это Лидия Васильевна...

«Надо же, хочет извиниться, — изумилась Маша, — однако, я тоже хороша. Можно было с ними не так резко, всё же люди пожилые...»

— Так вот, несмотря на вашу возмутительную выходку, мы с Дмитрием Ивановичем готовы посмотреть тот славный домик

с балкончиком и террасой. Возможно, наша дочь им заинтересуется в качестве инвестиции. У неё, знаете, недвижимость во многих штатах, и поскольку завтра улететь не удастся, мы готовы встретиться с вами утром, часиков в одиннадцать.

«Чёрт, хорошо, что я не успела покаяться вслух», — с облегчением подумала Маша.

— Лидия Васильевна, дорогая, к сожалению, я не смогу вам помочь. У меня завтра выходной. Думаю, вы легко найдёте другого агента в русской газете, — ответила она участливым, расслабленным после ванны и ликёра голосом и выключила телефон.

За окнами снова поднялась метель. Шёлковые шторы слегка шевелились от проникающих между рамой и стеклом струек морозного воздуха, и с каждым порывом ветра синие ангелы, рассыпанные по периметру ткани, мерно махали крыльями, не способные ни улететь, ни остановиться в своём статичном движении.

«Интересно, у настоящих ангелов лица человечьи или тоже птичьи?» — подумала Маша, глядя из-под слипающихся век на покачивающиеся шторы, но, споткнувшись об эту догадку, — уснула.

О ЗОЕ МАСТЕР

Обратила я на неё внимание не так давно, но сразу. Зоя прислала в наш журнал рассказ «Пришелец». Рассказ написан от лица современного американского писателя, задумавшего пьесу о Моцарте. Это был мастерски написанный рассказ, если воспользоваться каламбуром, на который наталкивает фамилия автора. Странный, с погружением в жизнь «вневременной» Вены, с тонкой психологической линией отношений рассказчика со всеми персонажами — живыми или появившимися из небытия... Ещё один рассказ, присланный через некоторое время, также был написан от мужского лица и тоже показался необычным. Он назывался «Зазеркалье» и повествовал о пожилом одиноком фотографe, наблюдавшем из окна за жизнью американской детской школы.

Понравилось, что рассказ не был скроен по привычной мерке, герой не укладывался в рамки хороший-плохой, и мы не знаем, придёт ли он снова в школу с «нестандартными» детьми и пригреет ли бездомного щенка, случайно оказавшегося рядом с его домом. В памяти остаётся его безапелляционный ответ директорше школы: «У меня на детей аллергия. На детей и собак». Посему под большим вопросом, захочет ли он взять в дом приبلудную собаку. Последняя фраза рассказа: «Собачьи лапы чавкали вслед по рыхлому снегу» прямого ответа на вопрос не даёт. Но перед глазами картина: старый и одинокий человек кормит прибившуюся к нему псину, согревает и даёт приют. В этом, наверное, и состоит писательское мастерство, когда мы сами, по воле автора, заполняем лакуны повествования.

Получив от Зои Мастер подготовленный ею сборник прозы, я нашла там много совсем других рассказов. В них просвечивала автобиографическая основа, их героинями были в чем-то похожие девочки и женщины, действие многих происходило в южном городе, с вишней во дворе, с вереницей соседей,

каждый из которых «был в своём роде», эдакое своеобразное бессарабское Макондо. Девочки Киры, Риты, Риммы, молодые женщины Маши, Ирины и Вики — авторская мета, своего рода знак: «я здесь». В этих рассказах, как и во всей прозе Зои Мастер, много музыки — во всех смыслах этого слова. И тут нужно сказать то небольшое, что нам известно о самом авторе. Зоя Мастер — родилась в Кишинёве, училась в Москве, по первой профессии она музыкант, музыковед. В наши дни живёт в Денвере, штат Колорадо, где много лет преподавала... английский в государственной школе. Теперь работает переводчиком.

Но вот читаю её рассказы — и есть ощущение, что она правильно взялась за писательство, что дело это — её. Говорю о рассказах, а не о повестях, потому что именно в них, как кажется, проявляется главное умение Зои Мастер — концентрированно и поэтично рассказать о человеке, его характере и его судьбе. Некоторые рассказы — настоящие новеллы в смысле неожиданной концовки. Так, если в рассказе «Третий глаз» его герой, — честный интеллигентный Саша, — узнаёт, что его подруга собирается уйти к его американскому экс-боссу, человеку нечестному и непорядочному, но умеющему делать дела, — при всей неожиданности такой концовки она вполне оправдана логикой характеров. А вот в чудесном рассказе «Сыграть Джульетту» — о «городской сумасшедшей» Тоне, вообразившей себя Джульеттой, то, что в самом конце рассказа мы узнаём, что её подруга, от лица которой ведётся повествование, завтра вечером должна играть эту самую Джульетту, воспринимается как авторский приём, уловка.

Но на этом рассказе хочется остановиться. Уж больно хороша центральная героиня — Тоня. Тоня, выросшая при театре (отец — осветитель, мать — костюмерша), одержима мечтой «сыграть Джульетту», при том, что внешне она никак к этой роли не подходит. Отец говорит о ней: «В образ вошла и не вышла». Приехавшая в город детства одноклассница, встречает Тоню — гуляющей по улицам с веером в руке, источающей «запах нафталина и сладковатых духов».

Удивительные подробности. Не знаю, как вы, а я сразу представила эту женщину, я знала таких в моём детстве, полностью «сбрендивших», по мнению окружающих, живущих

какой-то своей потаённой жизнью. От отца Тони подруга узнала, что той выпал-таки шанс сыграть Джульетту, когда театральная примадонна, вследствие болезни, вышла из игры. И сыграла она её, полноватая и совсем не «итальянистая», так, что вызвала восторг зала. Для неё же этот вечер был последним в театральной карьере — её сердце и разум не выдержали напряжения. Прекрасный рассказ, в котором много психологических и словесных находок. Вот Тоня рассказывает о своей маме, показывая расшитую ею сумочку: «Видишь, один цветок она бисером вышила, а на втором мы её похоронили».

Назову ещё несколько рассказов, которые особенно мне понравились. Это «День зимнего ангела» и «Пиковая дама». В «Пиковой даме» есть девочка Кира, которая мысли свои записывает в клеёнчатую тетрадку. Да и вся жизнь «Пиковой дамы», соседки Анны Львовны, проходит перед глазами девочки. Соседку называли «Пиковой дамой» потому, что в юности, учась пению, она пела романс Графини из оперы Чайковского. Рассказ из тех, где много вкусных бессарабских подробностей.

В «Дне зимнего ангела» сюжет незамысловат: риелтор Маша под вечер зимнего дня, грозящего закончиться метелью, показывает дома́ русской паре. Выясняется, что они приехали навестить дочь, а завтра уезжают; поездка с риелтором им нужна для времяпрепровождения. Маша высаживает их из машины, на что дама отвечает бранью и угрозами. Маша мечтает скорее вернуться домой, но подруга упрасивает её показать ей дом, стоящий далеко от Машиного дома, а потом быстро уезжает, оставив Машу одну. Начинается метель, мотор глохнет, и дорожная служба не приезжает. Когда-то в детстве Маша видела зимнего ангела. Сейчас таким «ангелом» становится для неё мексиканец Анхель, возвращавшийся с работы и увидевший засыпанную снегом машину.

Он буксирует машину Маши, довозит её до дома — и быстро скрывается, так как его ждёт семья. Читаешь — и сначала переживаешь за бедную Машу, для которой день складывался так неудачно, но вот концовка рассказа — и она оказывается такой неожиданно светлой, что поневоле начинаешь верить, что ангелы бывают на свете, редко, но бывают.

Рассказ «Четыре времени года» — о детстве. В уже сложившийся детский мирок попадает новенькая — Алла, чей отец работал в Индии. Как же интересно рассказывает Алла об этой Индии, словно сама там побывала. Правда, в конце выясняется, что не был там и её отец — всё девчонка нафантазировала, чтобы покорить неуёмного Вадика. Рассказ называется «Четыре времени года», но это метафора, обозначающая эпохи жизни. С отъездом Аллы одна такая эпоха кончается для всех обитателей кишинёвской «квартиры с соседями», которая «похожа на поезд». Последняя фраза: «Но она смотрела вперёд, в новое время года, где уже не было ни нас, ни её прежней».

Книга Зои Мастер разнообразна и не скучна, уверена, что она вызовет интерес у читателей.

А автору хочу пожелать не бояться вступать в «новое время года», несмотря на окрики и гудки сзади. Писатель должен идти своим путём.

Ирина Чайковская
*гл. редактор онлайн-портала «Чайка»,
Балтимор*

Зоя Мастер — преподаватель, переводчик, писатель и журналист, автор книг для взрослых и детей на английском и русском языках. С 1990 года живёт и работает в Денвере, штат Колорадо. В её понимании именно писательство даёт ощущение свободы, когда автор — создатель характеров и судеб, когда подсмотренные или выдуманные персонажи, оживая в прозе, продолжают жить своей собственной жизнью.

Рассказы Зои Мастер — о разном: о детстве и старости, о расцвете и угасании, о любви, об ожиданиях и разочарованиях, но в каждом присутствует тонкая, размытая, дрожащая черта: та сумеречная, жемчужная область, где смешиваются реальность и сон, далекое прошлое и вот эта, сегодняшняя минута.

Персонажи ее рассказов — люди здоровые, трезвые, разумные, они понимают, что чудес не бывает и не хотят попасться на удочку шарлатанам; на всё должно быть простое объяснение, верно?

Но, хотя они этого или не хотят, тонкий холодок чуда, чего-то нездешнего веет над их жизнью, залетает с синего моря, из окна, открытого в осенний парк, просачивается сквозь дверь. А еще чудо прилетает с музыкой, и музыка звучит во всех рассказах: то открыто, то чуть слышно, издали.

Есть язык слов, и есть язык музыки, к словам несводимый. Зое Мастер знакомы они оба, и она по своей прихоти, или же подчиняясь некоему императиву, то свивает их вместе, то дает солировать одному, чистому и немного печальному голосу флейты.

И в этом голосе есть некая недоговоренность, заставляющая нас листать и листать эти прекрасные страницы: договори же, договори...

Татьяна Толстая

ISBN 978-1-950319-44-2

9 781950 319442